

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

имени академика Н. Я. МАРРА

СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

Я $\frac{309}{234}$

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА,

I

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

А. Н. БЕРНШТАМ**УЙГУРСКАЯ ЭПИГРАФИКА СЕМИРЕЧЬЯ. I**

Во время наших археологических работ в Семиречье были обнаружены различные надписи на сосудах, камне, монетах и керамических поделках. В основном надписи происходят из трех пунктов — древних городов Тараза, Сарыга и Баласагуна.¹

Среди собранного эпиграфического материала были надписи на сирийском, согдийском, уйгурском, арабском и китайском языках, а также надписи уйгурским шрифтом и санскритским письмом, причем язык этих надписей не поддается пока точному определению.

Часть надписей была уже обследована и прочитана и частично уже нашла отражение в печати.²

Относительно большую группу в серии этих находок составляют надписи согдийско-уйгурской вязью на местных, тюркских языках, которые обычно именуются уйгурскими надписями. Так, одна надпись в две с половиной строчки на шиферной пластинке была найдена при раскопках Тараза, там же была найдена малая надпись вместе с изображением человека. Уйгурским шрифтом была исполнена надпись на каракитайской черепице, найденная на городище древнего города Баласагуна.

Различные надписи были найдены в развалинах города Сарыга и его окрестностях. Среди них имеются надписи сирийские, согдийские и большая группа уйгурских. К уйгурским надписям принадлежат, кроме нескольких малых фрагментов и надписей на венчиках небольших сосудов (до сих пор еще точно не установлено — согдийские они или тюркские),³ три целых надписи

¹ Краткие итоги работ изложены в книжках А. Бернштама: Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; Историко-культурное прошлое Чуйской долины по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943. Итог работ за 10 лет см.: А. Бернштам. Итоги археологических работ в Семиречье. Краткие сообщения ИИМК, XIII, 1946. Там же отмечены находки надписей и чтение некоторых из них. Наше чтение надписей на монетах см.: А. Бернштам. Тюркешские монеты, Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа II, Л., 1940, а также в статье „Новый тип тюркешских монет“ (в печати).

² Обзор этих находок мы дадим в другом месте.

³ Одна из них найдена на городище древнего Сарыга нашей экспедицией, другая подобрана проф. М. Е. Массоном и хранится в археологическом кабинете Среднеазиатского Государственного университета в Ташкенте.

³ Эпиграфика Востока

на больших сосудах-хумах. Две из них были найдены на двух больших хумах в южной окраине древнего города Сарыга, третья тоже на венчике хума в древнем городище у с. Покровки, Каитского района, километрах в 10 к западу от Сарыга.

Указанные надписи на хумах были найдены во время строительства Большого Чуйского канала весной 1941 г. и сохранены научными сотрудниками экспедиции археологического надзора на строительстве.

Два хума, найденные в Сарыге, были обнаружены вкопанными в землю. В одном из хумов оказались зерна проса. Хумы совершенно одинаковой выделки, из глины высокого качества, прекрасного обжига. По археологическим данным они датируются IX—XI вв. Один из хумов (надпись которого составляет сюжет настоящей заметки) имеет высоту 1.04 м, шаровидный в верхней части и идет на конус в нижней. Диаметр горловины 47 см, тулова 80 см и дна хума 27.5 см. Венчик хума резко отогнут наружу и образует широкую полосу (6.5 см), удобную для нанесения надписи. На одном венчике хума надпись из пяти слов, занимающая примерно одну треть окружности венчика. Надпись заключена между двумя орнаментальными клеймами в виде прямоугольника, рассеченного на два параллельные ряда квадратиков по 4 квадратика в каждом ряду. Посредине надписи круглый оттиск штампа в виде восьмилепестковой розетки, разделяющей надпись на две части.

В первой части надписи три, во второй два слова. Надпись четко врезана тонким резцом умелой и грамотной рукой. Буквы написаны в подавляющем количестве ясно и плавно соединены друг с другом, свидетельствуя о привычном для резчика курсиве. Надпись сделана до обжига сосуда, по сырому, хотя и слегка подсохнувшему сосуду. Небольшие выщерблины, последовавшие после изготовления сосуда, не мешают чтению и легко отличимы от рисунка букв (рис. 1 и 2). Надпись мы читаем следующим образом:

— —

т. е. „Čuj süčig suγur. Batmon χu“.

Первое слово, благодаря абсолютной ясности написания, не может быть прочтено иначе, как „Чуй“, т. е. название местности — долины и реки „Чу“. В китайских источниках, например у Сюань-Цзана, Чуйская долина называлась Су-е (索葉), что являлось транскрипцией двуязычного скрещенного названия долины Суяб (سوياب). В имени „Суяб“ скрещение тюркского слова „су“ 'вода', и иранского (согдийского) слова „яб“. Объяснение происхождения этого названия, построенного на соединении тюркской и согдийской части реки, мы уже дали в другом месте.¹ Отметим, что иранские слова сохранились и поныне в наименованиях урочищ Киргизстана, например в таких топонимических названиях как „Чалдывар“, где вторая часть слова „вар“ — староиранский авестийский „var“ или, например, в названии ущелья Ова (верховья Таласа, откуда течет правый приток Таласа, р. Кенкол).²

¹ А. Бернштам. Археологический очерк Сев. Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 78—79.

² На это обратил внимание участник нашей экспедиции 1939 г. А. М. Беленицкий.

С другой стороны, имя „Чуе“ носили и одни из тюркских племен, входящих в „десятистрельную“ конфедерацию племен дулу и нушеби. Среди них были племена (в транскрипции китайских хронистов эпохи Суй и Тан) в форме Чуюе 處月, Чуми 處蜜, 處半 Чубань.¹ Несомненно, что все эти этнонимы связаны с топонимикой, а как следует из тех же китайских источников, все эти племена жили в непосредственной близости от Чуйской долины. Все это позволяет нам первый термин читать „Čui“ как этногеографический термин, связанный с Чуйской долиной.

Термин süig известен по уйгурским юридическим документам в значении „сладкое вино“ и приведен С. Маловым (в форме сүчүк) в его словаре к известным переводам В. Радлова „Уйгурских языковых памятников“.²

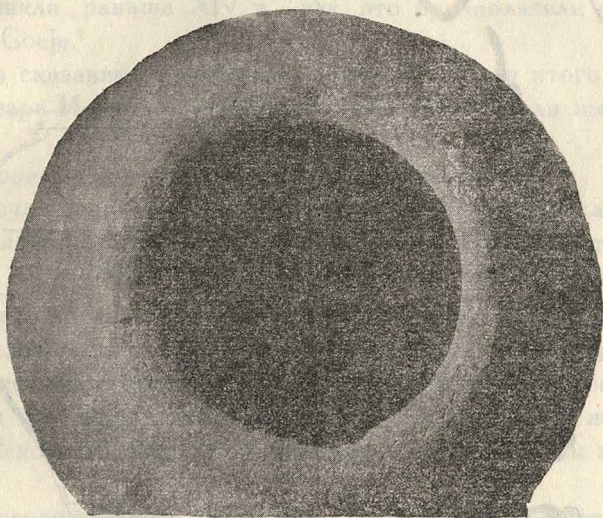

Рис. 1. Хум IX—XI вв. из Сарыга. Уйгурская надпись на венчике.

Из чагатайского языка известно и слово „suur“, в значении „ведро“, „вместилища для жидкостей“.³

Приведенный в надписи термин „batmon“ мы переводим в значении меры тяжести, как известно весьма варьирующей в разное время и в разных территориях. Однако мера батмана в 4—5 пудов вполне соответствует объему нашего сосуда. Характерен здесь иранизированный характер этого слова.

С разными толкованиями связано последнее слово из двух букв, в котором мы остановились на чтении „х“⁴. Дело в том, что буква „х“ может читаться как „s“, т. е. „su“ и как „š“ (диакритические точки, как правило, часто отсутствуют), что дает слово „šu“ — в обоих случаях слово „вода“. Однако чтение последнего слова как „su“, „šu“ — „вода“ несколько спорно.

¹ Тан-шу, гл. 1406, л. 116.

² W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler, Leningrad, 1928, стр. 293.

³ В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 21, столб. 758.

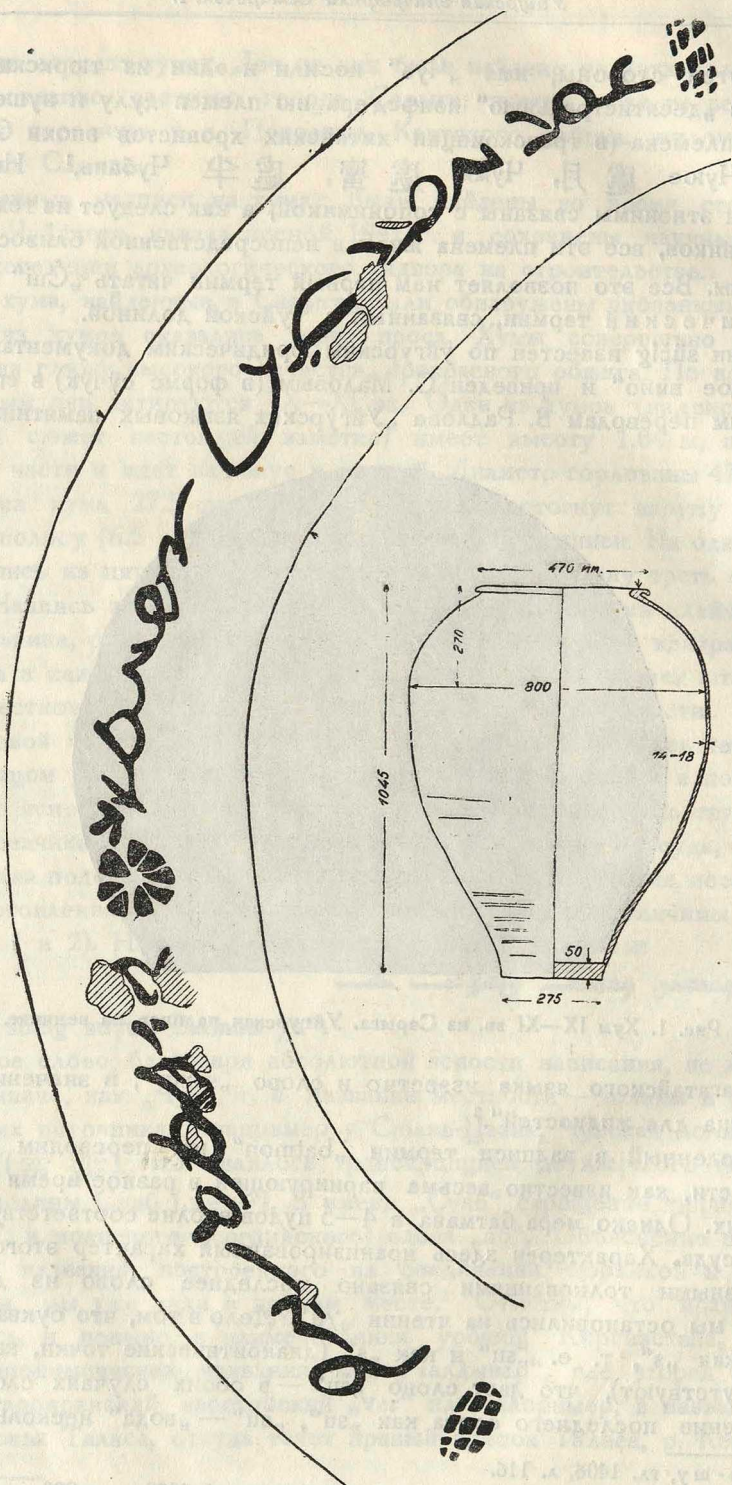

Рис. 2. Хум IX—XI вв. из Сарыга. Уйгурская надпись и профиль хума.

Для времени IX—XI вв., к которому относятся наши надписи, более употребительна форма „sub“¹ или „suv“.²

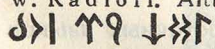
По нашему мнению, уже была известна в западных районах тюркского каганата (Семиречье) и форма „su“. Укажем, что в имени „Суяб“ уже наличествует форма „су“ — „вода“. Если нам возразят, что быть может китайская транскрипция не надежная опора, то можно указать, что у авторов IX века (Ибн Хордадбех, Кудам) такая же транскрипция топонимического имени „Суяб“.³ Вряд ли можно полагать, что переписчик рукописи XIV в. (в которой дошел до нас труд Ибн Хордадбега) мог исправить написание имени „Суяб“ в соответствии с произношением его времени. Для этого нужно признать, что переписчик был сведущ в тюркской лексике и сам этимологизировал название, что весьма трудно допустить, да и рукопись Ибн Хордадбега, вероятно, возникла раньше XIV в., как это предполагали и М. Barbier de Meynard и De Goeje.⁴

Исходя из сказанного, возможно допустить и для этого времени чтение „su“, хотя словарь Махмуда Кашгарского, как мы указали выше, дает форму „suv“.

Менее спорна форма „šu“, хотя и более редка.

Мы предпочли взять совершенно иную конъектуру, подсказанную С. Маловым, как транскрипцию китайской меры веса „ху“. Действительно китайское ху 斛, равное 10 доу (斗 доу — один гарнец), составляет $4\frac{1}{2}$ — 5 пудов, т. е. целиком и полностью соответствует батману, показанному в надписи, и в свою очередь соответствующему объему хума. Учитывая широкое распространение китайцев среди местного населения, особенно в качестве земледельцев и торговцев, такая двуязычность в надписи на сосуде вполне закономерна. Исходя из этих соображений, мы и переводим надпись следующим образом:

[Для] Чуйского сладкого вина сосуд. [Вместимость] батман [или] ху [веса].⁵

¹ Форма, представленная орхонскими текстами. См., напр., памятник Тоньюкуку; W. Radloff. Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, стр. 19 „Yduq jār sub“.

² C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz, Leipzig, 1928, стр. 186.

³ BGA, VI стр. 158.

⁴ См. Journal Asiatique, 1862 г., вып. II, и за 1865 г., а также BGA, VI, стр. XVII „Mais à mon avis le manuscrit est beaucoup plus ancien“.

⁵ Судя по нашей рукописной копии надписи на венчике хума, хранящегося в Кабинете археологии Среднеазиатского Государственного университета, текст ее идентичен вышеразобранной. Характерно, что ширина плоскости венчика, на которой нанесена надпись, также 6 см, восстанавливаемый диаметр горловины — 47 см. Очевидно, хум такого же объема, как и тот, на котором мы прочитали надпись. Надпись нанесена на венчик сверх орнаментального прямоугольного клейма и в свою очередь передавлена в одном месте круглым клеймом. В характере курсива мы особых отклонений не наблюдаем. Ташкентский фрагмент был найден проф. М. Е. Массоном также на городище древнего Сарыга. Таким образом, можно полагать, что разобранный надпись из пяти слов была принята как своеобразный метрический трафарет на сосудах-хранилищах.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени академика Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

II

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

АКАДЕМИИ
1948

НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

*А. Н. БЕРНШТАМ***УЙГУРСКАЯ ЭПИГРАФИКА СЕМИРЕЧЬЯ. II**

1

В 1939 г. при раскопках древнего города Сарыга в зоне рабада, к югу от шахристана, был раскопан дом, в верхнем слое которого найдены три фрагмента венчика небольшого хума с надписью. Обнаруженная надпись на поверхности развалин и определила тогда место закладки раскопа, давшего весьма важные археологические находки. Об этой постройке в предварительном отчете экспедиции мы писали: „Последний раскоп за пределами городища вскрыл постройку мусульманского времени, четырехкомнатную в плане, с большим количеством бытового инвентаря XI—XII вв., среди которого наибольшее внимание привлекает венчик хума с надписью, выполненной согдийским шрифтом“.¹

Камеральная обработка материала и определение (М. Массоном) найденных в раскопе монет позволили уже в 1941 г. заявить: „Целиком была раскопана постройка в рабаде древнего города Сарыга, датируемая монетами Арслана (XI в.). В этой постройке наибольший интерес, помимо разнообразной керамики, представляет вскрытое раскопками сооружение для изготовления вина в виде чана, где давился виноград. Чан имел выводной проток, сделанный из гончарной трубы. Сусло по трубе стекало в хум, вкопанный тут же в землю и перекрытый шестигранной крышкой.“

Сооружение для раздавливания ягод, так же как и само здание, целиком сделано из сырцового кирпича, а внутренние стены оштукатурены“.²

Фотография надписи на хуме была дана на прочтение члену-корреспонденту АН СССР А. А. Фрейману, который не усмотрел в ней согдийского происхождения. Действительно, занявшись чтением этой надписи на одном из древнетюркских языков, мы смогли ее расшифровать, несмотря на ее фрагментарный характер.³

¹ КС ИИМК, IV, стр. 47.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 89, ср. табл. XV.

³ Ныне этот фрагмент хума с надписью хранится в Музее национальной культуры в г. Фрунзе.

Венчик хума состоял из трех кусков, два из которых точно прилегали друг к другу. Ширина венчика достигает 3 см, восстанавливаемый диаметр горловины свыше 15 см. Тесто хорошее, обжиг розоватый, черепок хума плотный (рис. 1).

Надпись глубоко врезана. Буквы четкие; округлые линии, требуемые конфигурацией букв, выполнены хорошо и показывают, что надпись сделана до обжига сосуда по мягкой глине. Можно даже отметить, что округленность тыльных (правых) сторон букв даже подчеркнуто выпукла, свидетельствуя о выработанном курсиве автора надписи. Несколько своеобразно начертание конечной буквы *a* в виде длинной горизонтальной черточки, которая больше выдвинута влево, чем это обычно принято в рукописных уйгурских документах, где она, в отличие от короткой черточки *z*, обычно сильно выписывается вправо по вертикальной оси надписи. В данном случае это объясняется фактурой и площадкой для надписи, так как справа начинается закругление венчика внутрь. Вообще буква *a* имеет в надписи наибольшее количество вариантов, часть которых, мы бы сказали, имеет „монголоидную форму“. Буква *r* одинаково выписывается и в начале и в середине слова. В остальном мы особых палеографических особенностей не усматриваем. Надпись состоит из двух обрывков, которые мы читаем в следующей последовательности:

I... I 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 [ح]

II (... II 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 [ح]

Транскрипция:

I... ä v qara mar [y]

II... qa boγu ara q[u]

I 'Дом Кара Мар'а...'

II 'Сосуд для вина. Половинное (?) ху...'

В первой строчке обращаю внимание на вторую часть имени, где наличествует сирийский термин *mar* — учитель. Термин этот имеет относительно широкое территориальное распространение вплоть до кыргызских надписей на Селенге.¹ Не менее известно широкое распространение сирийцев на территории Семиречья, как показал А. Я. Борисов чтением надписи на сосуде из Тараза² из наших раскопок 1938 г., с VI в., а для более позднего времени факт распространения сирийцев также широко известен.³ Отмечу попутно,

¹ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei. JSFO, 1913.

² А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941, стр. 21, прим. 48.

³ Имеем в виду такие факты, как а) манихейская молитва из Северного Притяньшанья — Хуастуанфт (W. Radloff. Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer. СПб., 1909, стр. V); б) реконструкция христианской церкви Тараза Исма'ил ибн Ахмадом в мечеть в IX в. (В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927); в) несторианские кладбища XII—XIV вв. (В. Бартольд. О христианстве в Семиречье в Монгольский период. ЗВО, VIII, 1893, 3—4; Н. Пигулевская. Сирийские и сиротюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана. Советское востоковедение, I, Л., 1940).

что на этом же городище древнего Сарыга была найдена сирийская надгробная надпись XII в. с именем кузнеца Георгия.¹ Таким образом, наша надпись с сирийским термином в имени не должна вызвать удивления, а наоборот подтверждает факт наличия сирийского населения Сарыга, одного из больших городов Чуйской долины, основного места расселения сирийцев в Семиречье.

В первой строчке явно сиро-тюркское имя владельца, устанавливающее принадлежность сосуда к имуществу его дома. Укажу на аналогичную надпись на сосуде из Енисея, опубликованную нами в другом месте.²

Во второй строчке первое двухбуквенное слово мы читаем qa 'сосуд для жидкостей',³ затем boru = bor 'вино' с суффиксом притяжения у.⁴ К слову ага Махмуд Кашгарский дает значение „середина“, „между“. В виду того, что далее следует буква q, позволяющая восстанавливать слово qu (кит. „ху“), я слово ага связываю с последующим словом qu, считая его как прилагательное. Термин „ху“ нами отмечен в предыдущей статье на эту тему.⁵

Ага qu, по-моему, может обозначать „середину ху“, т. е. половину объема ху, чему весьма соответствует и меньший объем нашего сосуда по сравнению с тем, где была надпись, гласящая об объеме в целый ху (батман).

Синтаксически фраза построена так же, как надпись на ранее нами изданном хуме, тем самым свидетельствуя об установившемся трафарете. Некоторое сомнение вызывает перевод слова ага, так как в юридических документах XIII—XIV вв. употребляется форма jarym.⁶ Во всем остальном наличествует сходство терминов нашей надписи с терминологией в уйгурских юридических документах. Предпочтение, оказываемое нами при толковании текста словарю Махмуда Кашгарского, объясняется большой близостью его по времени и по территории к надписи на сосуде, который, как и весь комплекс руин мастерской владельца, датируется по монетным находкам XI веком, т. е. веком составления сочинения Махмуда Кашгарского.

Несмотря на фрагментарность нашей надписи, она, учитывая место находки и связанности ее с археологическим комплексом, представляет

¹ Также прочтена А. Я. Борисовым. Ср.: А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, стр. 107.

² Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок, ТИВ, XIV, Л., 1946, стр. 69. — О сиро-тюркских текстах см. указанную выше статью Н. Пигулевской.

³ C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Bibliotheca Orientalis Hungarica, I, Leipzig, 1928, стр. 130.

⁴ Махмуд Кашгарский. Словарь, стр. 40 (в дальнейшем: МК). Отмечу, что не исключена возможность чтения: qarboru; эта форма известна в уйгурских юридических документах. См.: Труды Института востоковедения. — W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928 (в дальнейшем: USD), стр. 269; ср. стр. 1 ~~қар бор~~ ~~қар бор~~, ср. стр. 4, а также ср. 48, 52: kūr bor.

⁵ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947.

⁶ USD, стр. 274. Ср. jarym qar bor altym (USD, 1) jarym tärini, jarym torquny (USD, 5).

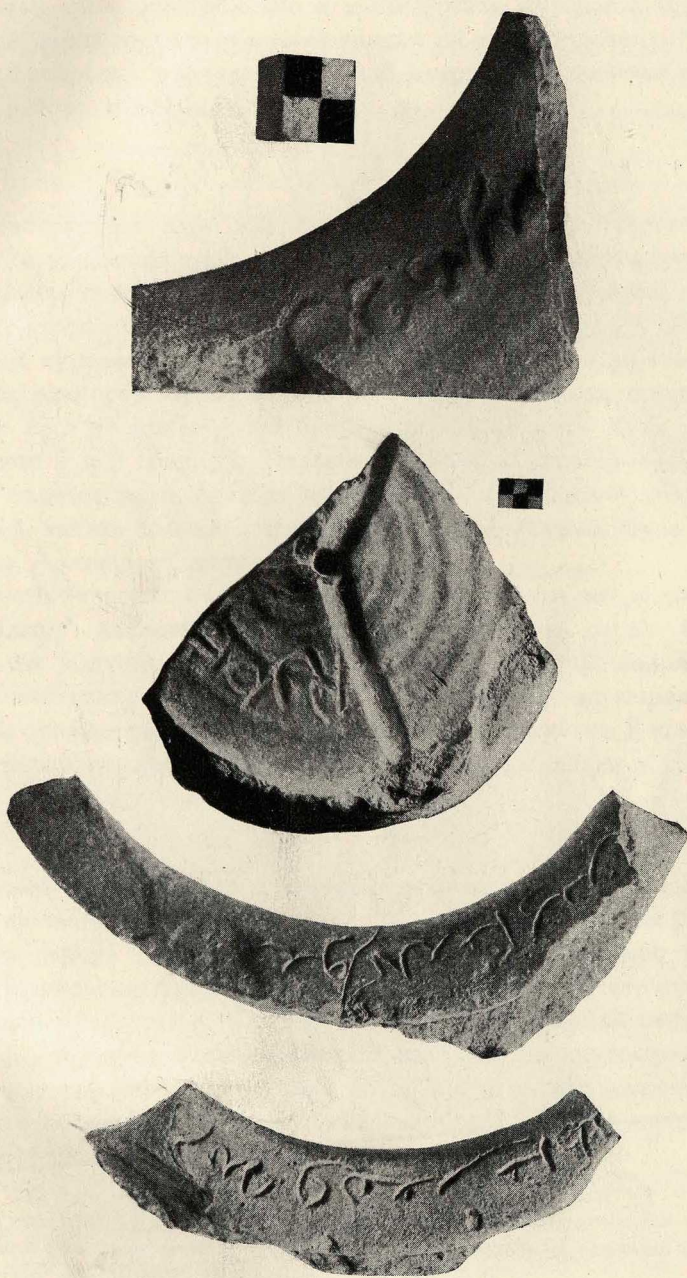

Рис. 1. Обломки венчика хума
из Сарыга.

Рис. 2. Обломок крышки хума
с городища Кысмычи.

Рис 3. Обломок венчика хума с
окраины Сарыга.

несомненно большой интерес как документация новой лексики. Любопытно также еще одно указание на сирийский этнический элемент в Семиречье, свидетельствующее одновременно и о профессии эмигранта (винодел). Сопоставление объемов сосудов с аналогичными надписями позволит в дальнейшем подойти и к вопросам уточнения местной метрологии, совершенно неизвестной для этого района и времени.

2

Зарегистрируем еще два фрагмента надписей. Первая расположена на плоскости глиняной крышки хума, сохранившейся немногим больше одной трети. Диаметр крышки 36 см. Крышка разделена валиками на три сектора; в одном из секторов, полностью не сохранившемся, уцелел обрывок надписи, исполненной курсивом, глубоко врезаемым на предмете до его обжига. Судя по большим размерам букв (до 3 см высотой), в среднем секторе могли быть размещены еще не более двух букв. Уцелевшие пять букв распределяются на две части: 2 и 3 (рис. 2). Первые две ясно *al*, другие три, тесно примыкающие к первым двум, состоят из *tyš* (*tyq?*). С большой долей вероятности можно здесь читать соответственное имя *Altuš* — Алтыш (букв. 'краснозубый', при чтении Алатыш — 'пестрозубый').¹

Палеографических особенностей в надписи почти нет; обращает внимание „монголоидное“ написание буквы *y* (*i*) в середине слова. Курсив четкий, лигатуры не допускают разночтений. Обрывок этой надписи важен нам ввиду его местонахождения — на правом берегу Чу на городище Кысмычи, которое мы отождествляем с городом Якакентом и относим к крайним северным границам распространения первой колонизации согдийцев в Семиречье.²

3

Сложнее обстоит дело с третьим фрагментом, подобранным при строительстве Большого Чуйского канала в 1941 г., на глубине 1.5 м на пикете 142+10, в районе с. Красная Речка у окраины древнего города Сарыга (рис. 3). Надпись расположена по внешней поверхности венчика хума (Музей национальной культуры г. Фрунзе, инв. № 814). Ширина венчика 7 см, толщина 1.4 см, толщина стенок хума 1.3 см. Судя по внутреннему изгибу венчика, диаметр горловины хума был до 50 см, т. е. это один из тех больших хумов, одну надпись которых мы уже разобрали.³ Буквы принадлежат к курсивной скорописи, также исполненной до обжига сосуда.

¹ См. аналогичные имена: Н. Ф. Катанов. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе „Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым“. СПб., 1888, стр. 7, 8.

² О городище см.: А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, 1941 г., стр. 83—85; о периодизации согдийских колонизаций см. нашу статью „Согдийская колонизация Семиречья“, КС ИИМК, VI.

³ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947.

Формально типологическое сопоставление с прочитанной надписью на хуме не даст схожих слов. В разбираемой надписи имеется конец одного слова с явным *ʔ* на конце и начало второго слова, где с трудом читаются буквы *qls...* или *qln*. Во втором варианте возможно прочитать слова *qalup* 'много', 'множество'.¹ Тогда в первом слове можно полагать слово *[su]v*, учитывая обрывок литеры, идущей вверх от буквы *ʔ*. Возможно, что надпись повествовала опять о вместимости жидкостей, воды в сосуде, судя по аналогии с разобранными надписями, но пользовалась другим текстом. Однако все это остается в сфере догадок, и большее значение имеет сам факт наличия еще одной надписи, свидетельствующей о широком распространении в Чуйской долине грамотности. По времени (форма хума и палеографические особенности надписи) она входит в круг ранее изданных нами надписей.

¹ Однако в уйгурском написании иначе *قېلىپ* (см. USD, документ 16, 25). См. там же словарь С. Малова, стр. 278.

А. Н. БЕРНШТАМ

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ

В связи с планомерным археологическим обследованием на территории Семиречья,¹ нам удалось лично выявить ряд новых эпиграфических памятников, а также зарегистрировать находки, сделанные другими лицами и экспедициями. В настоящей заметке мы ставим перед собой задачу отметить эти находки и дать воспроизведения части обнаруженных надписей, что сделает возможным их изучение и другими специалистами.

Надписи, о которых будет идти ниже речь: 1) сирийские, 2) согдийские, 3) рунические, 4) уйгурские, 5) арабские, 6) санскритские, 7) китайские. Материал, где были встречены эти надписи, весьма разнообразен: камень (кайраки), металл (зеркала, монеты, посуда), керамика (резьба, штамп, налп).

1

Одной из ранних надписей был трехстрочный сирийский текст, вырезанный на глиняном кувшинчике, открытом в согдийском слое древнего города Тараза на Таласе (рис. 1). Надпись эта прочитана (два христианских имени „Петр“ и „Гавриил“) и подготовлена к печати покойным А. Я. Борисовым, а содержание перевода с его разрешения уже было отмечено неоднократно в печати.² Разобранная им надпись древнейшая из известных сирийских надписей, на столетие раньше известной надписи в Сианьфу.³

А. Я. Борисовым была прочитана также надгробная надпись на глиняном кирпиче, найденном нашей экспедицией на городище древнего Сарыга (Чуйская долина).⁴ Содержание надписи: „Георгий кузнец“. По археологическим и эпиграфическим данным надпись может быть отнесена к XI—XII вв.

¹ А. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КС ИИМК, XIII.

² См. первое сообщение в журнале „Наука и техника“ (№ 7, 1939), там же штриховой рисунок сосуда с надписью. — Ср.: А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941, стр. 21.

³ Анализ этой надписи подготовлен к печати А. Я. Борисовым и будет опубликован в трудах Таласской экспедиции.

⁴ А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. XVII; ср. стр. 107.

В течение многих лет в фонды Музея национальной культуры в г. Фрунзе поступают кайраки с сирийскими надписями, случайно найденные внутри городской черты при строительных работах и за городом на „Пишпекском несторианском“ кладбище. Часть кайраков доставлена в Музей местным любителем старины врачом Деракомболем. По общему своему облику, насколько может судить неспециалист, сирийские кайраки напоминают те же типы, которые известны по публикациям Хвольсона, Коковцова, Слуцкого и других. Очевидно, что это надгробия XII—XIV вв. Надписи, образцы которых приведены нами на рис. 9 а, б, в, хранятся в Музее национальной культуры, и коллекция этих надписей уже достигает двух десятков экземпляров.¹

2

Из согдийских прочитанных надписей известна одна. Чтение принадлежит А. А. Фрейману. Это надпись, вырезанная на ручке кувшина VI—VII вв. Текст „да будет полным“ опубликован А. А. Фрейманом.² Воспроизведение фрагмента сосуда с надписью опубликовано нами.³ Надпись была обнаружена на городище древнего Сарыга. Некоторые аналогичные надписи согдийским курсивом оказались уйгурскими.

3

Находок рунических надписей в последние годы, кроме тех, что были отмечены С. Маловым и М. Массоном, было мало.⁴ Наиболее интересна случайная находка бронзового зеркала танского времени из Урджар, фотография с которого была переслана нам в Ленинград (рис. 3). Об этой находке центральная газета Казахстана „Казахстанская правда“ от 5 апреля 1936 г. сообщала: „Осенью 1935 года Краевым бюро общества изучения Казахстана была организована геолого-поисковая и краеведческо-археологическая экспедиция. Местом работы экспедиции были определены район горного хребта Тарбагатай, Урджарский и Макакчинский районы Алмаатинской области и частично Кокпектинский район Восточно-казахстанской области. При помощи колхозников экспедиции удалось разыскать и получить небольшую металлическую плитку диаметром в 13 см и толщиной от 3 до 6 см, найденную на склоне кургана в урочище Сасык-Бастау, в 20 км от Урджара“.⁵

В настоящее время упомянутая металлическая плитка (зеркало) находится в Секторе Востока Государственного Эрмитажа. Будучи в Казахстане летом

¹ См. упоминание в „Путеводителе по историко-археологическому отделу“ (Фрунзе, 1942), составленном М. С. Акимовой, под нашей редакцией; ср. стр. 30.

² „Вестник древней истории“, № 3, 1939, стр. 135—136.

³ Археологический очерк..., табл. VI; ср. стр. 56.

⁴ Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936.

⁵ Летников и Дублицкий. Зеркало бронзового века. Газ. „Казахстанская правда“, 5/IV 1936 г.

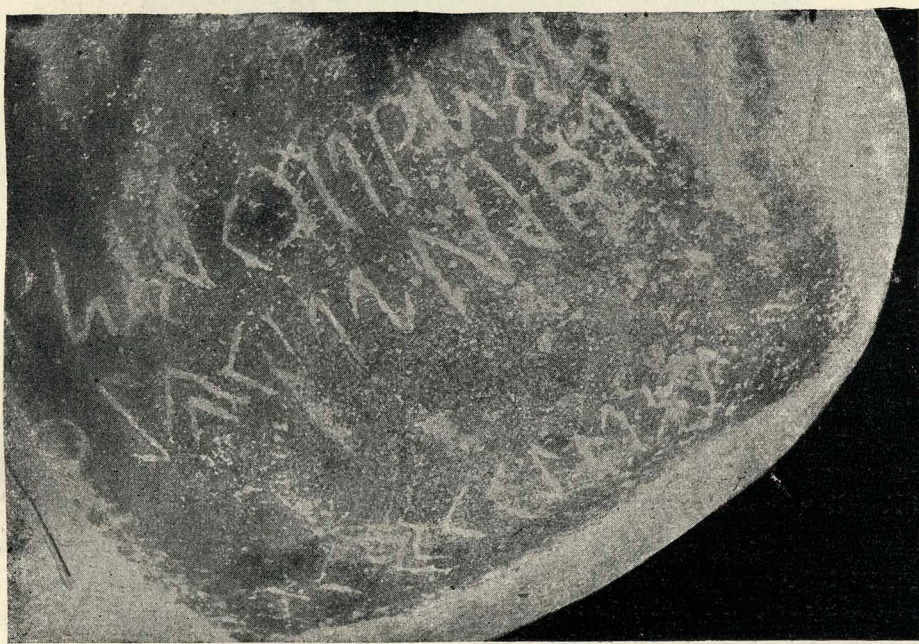

Рис. 1, вверху. Древнесирийская надпись. Тараз, V—VI вв. (Казахстан).

Рис. 2, внизу. Древнетюркское надгробие VIII в. (Киргизия).

Рис. 3. Китайское зеркало с рунической надписью VIII в.
(Урджор, Казахстан).

1936 г., я познакомился с рукописным отчетом геолога Летникова (находчика), хранившимся в Секторе истории Казахстанского филиала Академии Наук. Из отчета следует, что металлическая плитка была случайной находкой некой гражданки Рябцовой, нашедшей этот предмет на берегу арыка, проходящего возле большого кургана, насыпь которого сложена из камней. Согласно суммарному отчету Летникова, можно предположить, что арык промыл погребение кургана, внешний облик которого напоминает курганы кочевников-тюрок, в достаточно большом количестве известные и частично раскопанные на Алтае.

Металлическая плитка, как правильно указывают авторы газетной заметки, представляет собой древнекитайское зеркало танского времени. Его особый интерес заключается в том, что на оборотной стороне, между рельефными изображениями зеркала, выгравирована древнетюркская надпись. На обороте зеркала посредине изображение жука служит одновременно и петлей; вокруг него четыре утки, расположенные между лозами винограда. Орнамент типично танский, рассредоточенный, вместо компактных и насыщенных изображениями зеркал ханьской эпохи.

Надпись состоит из 13 букв рунического алфавита, сделанных острым, металлическим резцом на задней (орнаментированной) стороне зеркала. По бордюру зеркала имеются еще три буквы (одна + две буквы), сделанные слабее, чем основная надпись в тринадцать букв. Надпись мы читаем справа налево, принимая за верх сторону надписи, обращенную к бордюру зеркала.

Если надпись перевернуть и сторону, обращенную к бордюру, считать низом, то получается сильная раздробленность надписи. Почти через каждую букву палатальные буквы будут чередоваться с твердыми и, таким образом, от сингармонизма не остается и следа. Иное дело при принятом нами чтении. Надпись будет тогда выглядеть следующим образом:

ҮНҮКВНІЈЧНЛНЧ

13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

В этой строчке только одна буква, 10-я, находится в несколько необычном положении, но, зная характер надписей на таких предметах, можно предположить, что это вполне допустимое явление. Надо учесть также, что надпись резалась по кругу, и для удобства резьбы зеркало могло быть повернуто не совсем удачно, что послужило причиной ошибки писца.

В отличие от орхонского алфавита здесь мы наблюдаем букву В, которая характерна для палеографии кыргызского и среднеазиатского рунического письма. Остальные буквы основной надписи обычные и не представляют каких бы то ни было своеобразий. На приведенном рисунке неудачно отретушированы 3—8-я буквы, ясно читаемые на подлиннике.

Мы транскрибируем надпись следующим образом:

rq ĕ qzl šq ök u lül

Связный текст получить трудно. Мы усматриваем следующие слова. Несомненно слово qyuzl 'красный' (4—6-я буквы); aruq 'узкий' (или araq ?) в пер-

вых двух букв; *йё* (числительное 'три' или 'вершина'); *а̣а̣а̣* (7—8-я буквы) 'долина', 'подножие горы'; *ё̣к* 'состояние', 'смысл' (буква 9-я); *и* 'сон' (буква 10-я).

Приведенная лексика может быть обнаружена как в орхонских и кыргызских текстах VIII в., так и в словаре Махмұда Кашгарского (XI в.), язык которых наиболее близок к тюркской лексике надписей, обнаруженных в Семиречье.

По бордюру зеркала, как выше было отмечено, вырезаны еще три буквы, разьединенные небольшим пространством. Исполнены они иной манерой, чем основная надпись, более небрежно и более мелким врезом. Мы читаем первую букву *↑* — *г*, предполагая, что здесь слово *är*. Две другие буквы *↑↑* я транскрибирую *гс* и читаю *är iš* 'больной' (на фотографии эти буквы не вышли). Буквы эти особого типа. С. Малов при чтении палочки с руническими резами читал это начертание как *γ*.¹ Мы предполагаем, что в данном случае они скорее всего могут быть прочитаны как мягкое *↑* — *г*, причем такое чтение дает определенный смысл начертаниям *↑↑↑* — *är ariš* 'человек больной' и было первым начертанием на зеркале.

Настоящее чтение предложено лишь в порядке регистрации текста. Других, более значительных текстов рунического письма нам неизвестно. Напомню, что в тюркешских монетах VIII в., найденных в Чуйской долине и Таласе, мы уже отмечали рунические знаки — слова, подобно тому, как в мусульманских монетах наличествуют предшествующие арабскому шрифту уйгурские письмены,² что свидетельствует о широком распространении рунического письма в Семиречье. Пользуясь случаем, приведем фотографию рунического текста в качестве образца почерка на могильных валунах с одного из камней, найденных у с. Дмитриевского (Талас). Многочисленные переводы этого камня никогда не сопровождались публикациями фото.³ Камень был сфотографирован мной перед отправкой из города Джамбула в Ленинград, где он ныне хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (рис. 2).

4

Обильны находки уйгурских текстов в долине рр. Таласа и Чу. Пользуется известностью большая, но не прочитанная уйгурская надпись в урочище Чимташ, ущелье Терексай, определенная как уйгурская еще В. Радловым. Рядом с ней были обнаружены исторического содержания арабская и руническая надписи, как бы воспроизводя традиции трехязычных надписей ахеменидов.⁴

¹ С. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстарица, стр. 6—7; см. стр. 30, строчка 1-я, буква 1-я; ср. фиг. 6 на стр. 33.

² Тюркешские монеты, ТОВ, II, стр. 109—110. Ср. табл. в нашей статье, тип II—IV.

³ О переводах этого камня см.: С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАН, 1929, стр. 202 и сл.

⁴ М. Массон. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. Материалы Узкомстарица, 6—7, стр. 11 сл.

К сожалению, копировка надписи представляет большие трудности. На имеющейся в нашем распоряжении фотографии, любезно предоставленной нам тов. Ф. И. Бальдерманом, можно разобрать только отдельные слова и термины. Так, например, мы прочитали ясно написанный тюркский титул „тутук“. Для разбора надписи нужна, конечно, специальная ее копировка, уже трижды не увенчавшаяся успехом.

Редкой находкой является обнаруженная во время раскопок города Тараза в 1938 г. шиферная плитка, на которой сохранились две с половиной строчки уйгурского письма (рис. 5). Плитка обломана и на ней не сохранилось всего текста, но отдельные расшифрованные нами слова позволяют утверждать, что текст на плитке уйгурский. Надпись любопытна своими палеографическими особенностями — начертаниями букв острым (металлическим) предметом по твердой фактуре шифера.

Там же, в Таразе, был найден фрагмент сосуда, на котором еще до обжига по мягкой глине было процарапано каррикатурное изображение человека и обрывок уйгурского текста q^m (?) 'шаман' (рис. 6). Возможно последняя буква t .

Относительно большое количество уйгурских надписей, частично уже нами опубликованных, было найдено в Чуйской долине.¹ Часть надписей на хумах нами предполагается опубликовать в последующих номерах настоящего сборника, в первую очередь еще одну надпись на хуме из Сарыга и двустрочную надпись на хуме из древнего поселения у с. Покровки. Этим будет исчерпан уйгурский цикл надписей, обнаруженных в последние годы нашими экспедициями в Чуйской долине.

Загадочной и быть может не уйгурской по языку является фрагментированная надпись на черепице, найденная нашей экспедицией при раскопках древнего города Баласагуна. Вообще черепица, перекрывавшая храм и жилые помещения монастыря, была покрыта разнообразными рисунками, орнаментами и, в частности, надписями, исполненными санскритским и уйгурским письмом. Уйгурская (?) надпись вырезана на черепице до ее обжига (рис. 4) весьма небрежно, но довольно уверенной рукой в две строчки, сохранившиеся неполностью. В первой строчке мы усматриваем буквы $\check{c}$ — $\equiv$, n — Δ и Δ — w ; во второй t — $\underline{1}$, q — $\blacklozenge$, $n(a)$ — Δ , e , конечное i — Δ .

Быть может, здесь имя $\Delta\Delta\Delta$ т. е. ... $\check{c}^a$ nu T^aq^{ty}.

5

К пятой группе относятся арабские (быть может и персидские) надписи. Мы опускаем здесь куфические надписи на металлических изделиях типа брон-

¹ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I (опубликованы две надписи); Уйгурская эпиграфика Семиречья, II (в настоящем сборнике), где публикуются еще три надписи из наших собраний; см. выше, стр. 102—103.

зовых блюд и стволов подсвечников, в которых мы усматриваем главным образом повторение, *اليمين*, в других случаях какой-то иной текст. Опускаем мы также здесь и многочисленные стилизации этих благопожеланий в куфических надписях на керамике.

Из этого цикла надписей отмечу; прочитанную М. М. Дьяконовым и Л. Т. Гюзальяном, надпись на обломке хума налепными буквами почерком насх из раскопок Тараза в 1936 г. Верхняя надпись почерком куфи осталась неразобранной. Надписи „сделал Йү [суф]“ (рис. 11), подобно надписям из Самарры, опубликованным Э. Херцфельдом.¹ Отмечу также клейма на венчике хума из раскопок 1941 г. на городище Сарыга (рис. 12), до сих пор оставшиеся неразобранными. Надписям на архитектурных памятниках (Гумбез Манаса или мавзолей Кенйзек Хатун в Таласе) и надписи в мавзолее Ша Мансур (г. Джамбул) посвящена специальная статья А. Беленицкого. Как правило, мусульманских кайраков в Семиречье почти нет.²

6

Среди надписей, восходящих к санскритскому алфавиту, наибольший интерес представляет надпись на черепице из раскопок Баласагуна 1939 г. (рис. 10), состоящая из пяти знаков, хорошо читаемых, но не поддающихся переводу (определение Б. И. Панкротова). Археологическими данными надпись датируется XII веком, временем каракитаев.

Небольшая санскритская надпись обнаружена была на подножье буддийской статуэтки, найденной у с. Ворошиловское (к востоку от г. Фрунзе), относимой нами к XII в. (рис. 7). Санскритский характер надписи и дату (XII век) подтвердил и проф. Рахула Санкритияна, которому мы смогли предоставить для ознакомления фотографию этой статуэтки во время пребывания последнего в Ленинграде.

К этому же циклу следует отнести и 17 камней с буддийскими формулами „Ом мани падме хум“, собранные Б. М. Зимма в урочище Ак-улен, к западу от Иссык-куля во время археологической экспедиции Киргизского педагогического института в 1937 г. Камни с надписями хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Образцы надписей приводятся нами в рисунках 13—14. Надписи, по всей вероятности, XVI—XVII в., эпохи джунгар.

7

Китайские надписи редки в Семиречье и встречаются, главным образом, на относительно поздних вещах XVII—XVIII вв. Наиболее ранняя надпись (не считая монет) явно местного происхождения обнаружена на селадоновом

¹ Ср. F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925. См. там статью: E. Herzfeld Epigraphisches, стр. 81—92.

² А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 57.

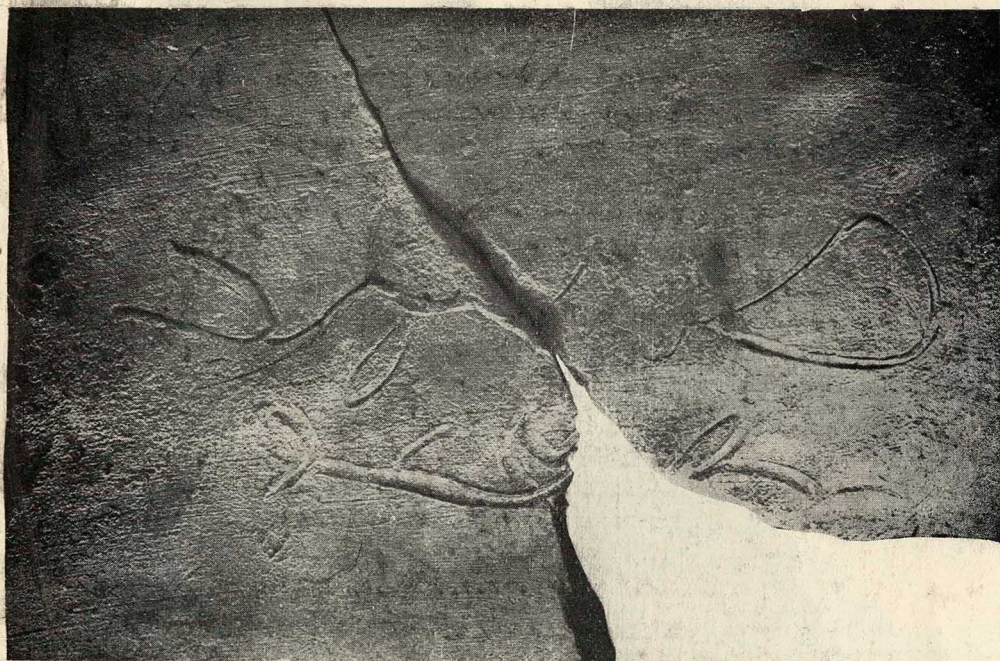

Рис. 4. Уйгурская надпись на кровельной черепице. Подпись мастера (?) XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 5. Уйгурская надпись. Юридический (?) документ. Шиферная плитка IX—X в. (Тараз, Казахстан).

Рис. 6. Фрагмент уйгурской надписи. Керамика IX—X в. (Тараз, Казахстан).

- Рис. 7,верху слева. Буддийская статуэтка XII в. с санскритской надписью.
(Сел. Ворошиловское, Чуйская долина, Киргизия).
- Рис. 8, внизу слева. Китайская надпись на металлическом сосуде XVII—XIX вв.
(Семиречье; точно происхождение неизвестно).
- Рис. 9, а—в, справа. Сирийские надгробия XII—XIV вв. (?). Несторианское
кладбище у г. Фрунзе (Киргизия).

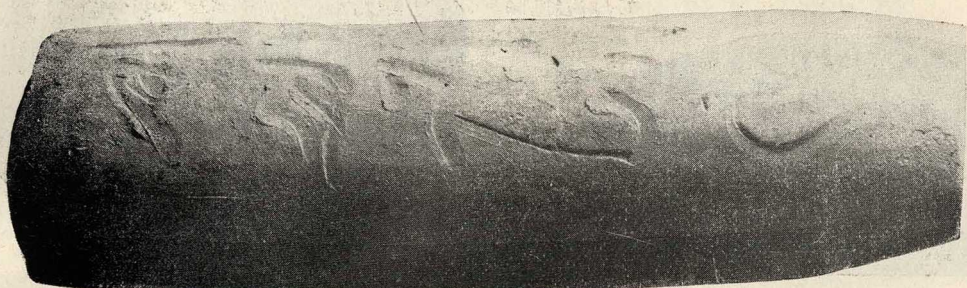

Рис. 10, сверху. Санскритская надпись на кровельной черепице XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 11, слева. Подпись мастера на арабском языке, Хум VIII—IX вв. (Тараз, Казахстан).

Рис. 12, Клеймо на глиняном сосуде X—XI вв. (Сарыг, Чуйская долина, Киргизия),

Рис. 13. Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль. Киргизия).

Рис. 14. Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль. Киргизия).

фрагменте блюда, где она процарапана довольно небрежно. Ей посвящается наша специальная заметка.¹ Другая наша заметка посвящена надписям на курильнице с датой минского времени 正德 (1506—1522 гг.), сдана для печати в „Труды“ Эрмитажа.² Среди случайных находок отмечу малую курильницу, фотография с которой была передана мне Б. М. Зимма; на дне курильницы оказался иероглиф 官 — „сюань“ (фамильный знак). Время, очевидно, джунгар (рис. 8), быть может знак последнего представителя цзюньской династии Сюань цзуня (1908 г.).

За исключением надписи на селадоновом фрагменте, найденном в комплексе находок каракитайского времени (XII в.), все остальные надписи более позднего происхождения, во всяком случае, не раньше джунгар.

Из всего сказанного явствует многоязычность населения Семиречья и относительно высокий его культурный уровень в средние века, когда концентрируются в пределах одной территории семь языковых литературных групп. Это ли не показатель многоэтничного и разнообразного по культуре населения Семиречья, столь долго воспринимавшегося в исторической литературе как отсталая периферия Средней Азии?

В заключение нашего перечня основных эпиграфических находок мы не можем не выразить нашу глубокую благодарность всем лицам, способствовавшим обнаружению, фиксации и чтению обнаруженных надписей и в первую очередь тем, кто в связи с этим был помянут в настоящей информации.

¹ Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью, КС. ИИМК, XVII.

² Археологическая поездка в Семиречье. 1933 г. (Государственный Эрмитаж, рукопись).

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

имени академика Н. Я. МАРРА

СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

9 309
234
ЭПИГРАФИКА

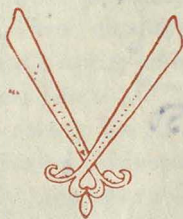
ВОСТОКА

III

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А. Н. БЕРНШТАМ

НОВЫЕ НАДПИСИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Наконечник дротика с китайской надписью из Казахстана

В Отделе первобытной культуры Государственного Эрмитажа хранится под № 1405/1 бронзовый наконечник копья из Казахстана (коллекция Чудинова Б. М., сбор 1936 г.) с небольшой китайской надписью. Наконечник был найден в местности Бестюбе, в районе Степняк. Фотография с предмета была мне любезно предоставлена С. С. Черниковым.

Бронзовый наконечник копья имеет длину 22 см. Он представляет типичный для андроновского круга памятников II тысячелетия до н. э. листовидный наконечник в виде вытянутого овала длиной в 18 см с жилкой посередине. Внизу перо сильно сужается и переходит в уступчик, который заканчивается черенком в 4,3 см длиной (рис. 1, а и б).

В правой нижней половине пера расположены два четко выгравированных китайских иероглифа; они затянuty патиной такой же интенсивности, какой покрыт и весь предмет. Нет никакого сомнения в том, что знаки представляют собой иероглифы, а не тамги. Для последних прежде всего характерна связанность образующих тамгу черт.

Иероглифы читаются легко, особенно второй (сверху). В первом иероглифе мы допускаем в чтении дополнительный штрих; второй исполнен абсолютно точно. Читается надпись следующим образом: 全 𠂇 тун и. Знак 全 является разновидностью знака 同. Знак 同 известен на наконечнике стрелы, изданной в Цзиньши Су. Значение его в Цзиньши Су не объяснено.

Иероглиф 𠂇 имеет два рода значений как имени существительного — 'дротик' и 'метательное копьё'. Васильев¹ и Куврэр² сообщают наиболее распространенное значение как вид копья, который метается в цель с помощью шнура для возвращения копья обратно стрелку. Это специфический вид метательного копья типа своеобразного гарпуна. „Тун и“ можно переводить в соответствии с и, 'одинаковое и', т. е. 'наконечник типа „и“'.

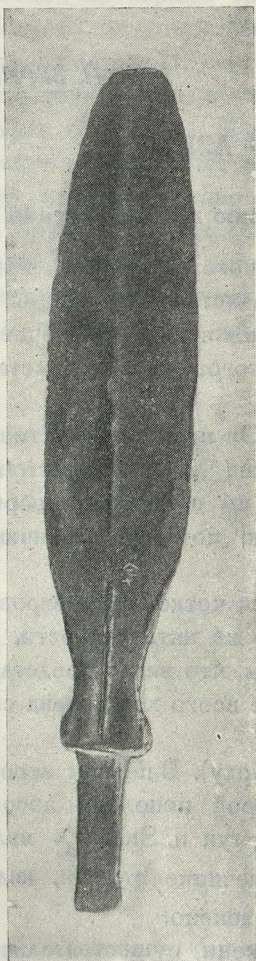
¹ В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов. СПб., 1867, стр. 393 „бросать стрелу с бичевой“.

² F. S. Couvreur. Dictionnaire Classique, стр. 237: „Flèche munie d'un long fil par lequel on la retenait pour la ramener à soi après l'avoir lancée“.

Палеографические особенности букв сравнительно поздние, быть может второй половины Чжоу (скифское время), а всего вероятней даже не раньше ханьской эпохи (II в. до н. э.), т. е. гуннского времени.

Из этого явствует, что надпись нанесена позднее изготовления предмета и не может, очевидно, датировать сам предмет (но, судя по патине, надпись древняя). Остается предположить, что она нанесена в гуннское время владельцем этого предмета, сведущим в китайском языке. Когда он владел этим предметом и как он попал в район Степняка — на сей счет можно высказать разные тогадки.

Академик В. М. Алексеев любезно указал нам на возможность читать в этой надписи, особенно в первых начертаниях, числительные как своеобразную нумерацию ценного для владельца оружия. Тогда верхний знак можно читать как цифру '82, в которой опущена десятка. Подобного типа написания известны! В том и другом случае несомненно чтение второго знака, обозначающего предмет как наконечник дротика определенного типа.

а

б

Рис. 1. Наконечник копья-дротика (а) с китайской надписью (б). Казахстан. Степняк, ур. Бестюбе.

Попутно хочется обратить внимание на все большее и большее появление фактов, указывающих на распространение в древности на территории СССР вещей не только китайского происхождения с китайскими надписями,¹ но вещей

¹ См., например, заметку А. Маракуева: Фрагмент китайского бронзового зеркала в Археологическом музее Томского университета. Ученые записки Томского Гос. пед. института, т. III, 1946, стр. 145—152 и сл.; ВДИ, I, 1948, стр. 102.

местного изготовления с китайскими надписями, сделанными на вещах вероятней всего в областях находок этих предметов. Такой пример уже отмечен в археологических находках Семиречья.¹

В 1947 г. в Абакане были найдены в комплексе вещей таштыкского времени (первые века н. э.) альчики барана, использованные как игральные кости, на которых были нанесены китайские знаки 大 — „да“, ‘большой’ и числительные 十 ‘десять’, 八 ‘восемь’ и другие. С этими материалами мы лично ознакомились во время доклада автора раскопок А. Н. Липского в марте 1948 г. в Москве на пленуме Института истории материальной культуры, посвященном итогам экспедиционных работ за 1947 г.

2. Даршайская надпись почерком карошти

Летом 1947 г. во время работ руководимой нами Памиро-Алайской археологической экспедиции мы занимались археологическим обследованием Вахана. Во время фиксации многочисленных наскальных изображений в урочище Даршай (к западу от районного центра Шитхарв в Ваханском районе) обнаружена на отдельном камне надпись почерком карошти (рис. 2). Надпись высечена

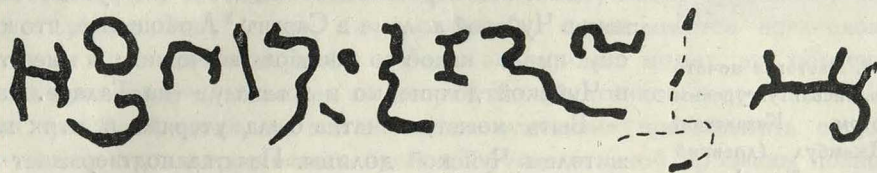

Рис. 2. Надпись карошти. Южный Памир, Вахан, ур. Даршай.

на отдельном камне, явно упавшем сюда с другого места, так как она сейчас находится в перевернутом виде. Надпись сильно затянута пустынным загаром темнокоричневого цвета и очень плохо поддается фотографированию, но все же достаточно четко различимы восемь букв и, очевидно, тамга.

Среди окружающих камней с наскальными изображениями имеется большое количество рисунков сакского времени (VI—III вв. до н. э.), часть, очевидно, кушанского (первые века н. э.), к которому относится и отмеченная надпись карошти. Много рисунков и более позднего времени, вплоть до недавнего прошлого, о чем свидетельствуют многочисленные арабские надписи, в основном имена: محمد, علي и т. п.

Район Даршай с его наскальными изображениями, которые неоднократно отмечались путешественниками (Бобринской, Олуфсен, Стайн), был, несомненно, издавна культовым местом. Без мостов и современной дороги он был сравнительно неприступным. Снизу и сверху он отграничен обрывистыми уступами скал, с востока и запада глубокими и узкими ущельями (Даршай I и Даршай II), в глубине которых с грохотом несутся горные потоки, впадающие в Пяндж

¹ А. Н. Бернштам. Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью. КСИИМК, XIX.

На верхней террасе над этой культовой площадкой расположена постройка, типичная для древнего Вахана, т. е. кушано-эфталитского времени. Даршайская надпись, наряду с надписью карошти из Термеза,¹ является самой северной из известных надписей этого типа.² Перевод надписи и уточнение датировки имели бы важное значение для историко-археологического изучения памятников Памира.

3. Печать из Тараза

В 1938 г. в стратиграфическом раскопе древнего города Тараза, в V слое, датированном нами V—VIII вв. н. э., около очага в завале домашней утвари была

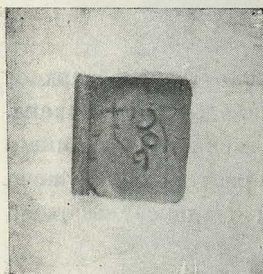

Рис. 3. Пастовая печать с надписью уйгурским шрифтом. Казахстан, г. Джамбул (древний город Тараз).

найдена печатка с надписью, из плотной пасты бледно-голубого цвета. Четыреугольная сторона печати с надписью имеет размер 9.5×12.5 мм. С обратной стороны она срезана и имеет вид пирамиды (рис. 3). Если сделать оттиск этой печати, то получится совершенно точное воспроизведение слова $\text{šij} = \text{سج}$ — уйгурскими буквами. Это слово мы неоднократно наблюдали как первое слово надписей на хумах, найденных в Чуйской долине в Сарыге.³ Любопытно, что клеймо šij имело какое-то особое значение, и не только в Чуйской долине, но и к западу — на Таласе.

Быть может, печатка была утеряна в этих местах жителем Чуйской долины. Печатка подтверждает ранее нами высказанное предположение, что термин šij имеет этногеографическое значение и связан с именем племен Чуйской долины.⁴

¹ М. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1938 г., Ташкент, 1940, стр. 81.

² Sten Konov. Kharoshthi Inscriptions with Exception of those of Aśoka. Corpus Inscriptionum Indicarum, т. II, ч. I, Calcutta, 1929, см. карту, где самая северная надпись отмечена на реке Сват (Swat) в местности Тирае (Tirath).

³ А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947. С термина šij начинаются и остальные надписи на хумах,готавливаемые нами к печати.

⁴ А. Н. Бернштам, ук. соч., стр. 35.